

Иногда по телевидению или радио слышу знакомые слова: Анзер, Соловки, Заяцкий остров и... вздрагиваю. Это место навсегда изменило мою жизнь, хотя, будучи девятилетним ребёнком, я никаких изменений не планировал.

Жил припеваючи, был капризным, хитроватым и смешливым. Дед с бабушкой давали в достатке карманных денег, мама звала меня «маленький-беленький», а вечно насупленный отец пытался строгим голосом вразумить и организовать мой досуг. В итоге были шахматы, домра, рисование, велосипед. Но прежде всего — компьютерные игры, которые бесили моих родителей. В летних поездках я всегда был лишён всего этого и, признаться, не любил семейные отпуска. Обычно две недели мы всей семьей проводили у моря или ездили на Северный Кавказ, который я успел полюбить. Но в этот раз поехали без папы.

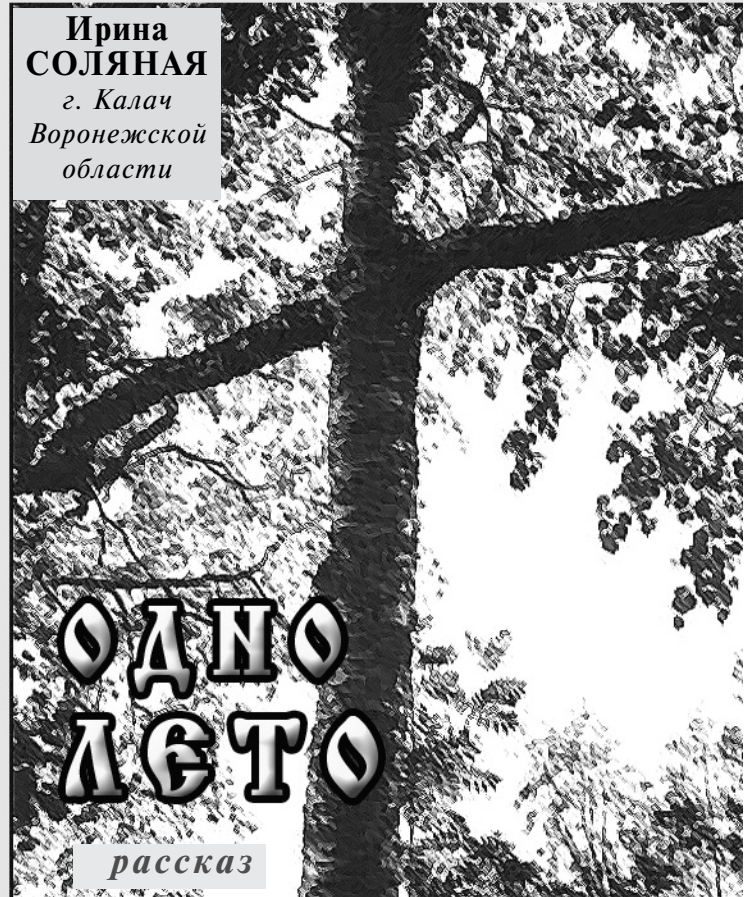
Я очень хорошо помню тот две тысячи девятый год и лето возвращения мощей великомученика Петра Зверева в Воронеж. Наша паломническая поездка была в том самом августе. Ни мои родители, ни я сам не были прихожанами какого-либо храма, в церковь не ходили даже на великие праздники. Почему мама так спонтанно решила поехать на Соловки, да ещё с паломниками, мне сначала было непонятно. Уже на архипелаге она сказала нам, что на то была достаточная причина.

Мы изменили комфортному быту, погрузившись в автобусную тряску, и в компании с незнакомыми и весьма небогатыми людьми совершили переезд через всю страну в совершенно чужое для нас место, где не были важны ни наши достижения, ни деньги, ни связи. Малолюдные места, холод, громадные валуны, мешавшие причалить к берегам, полчища комаров и мошкар, русская печка в доме трудников, где по очереди готовили простую, но сытную пищу, — вот что запомнилось прочно. Но не только это...

Детская память как шкатулка с сюрпризом. Иногда вспоминается мелкая деталь, а иногда — целые подробные картины происходящего.

Я помню, что в то лето мама узнала о страшной болезни Тони, её лучшей подруги. Не придумав ничего лучше, она притащила меня и Тоню, исхудавшую, потемневшую лицом и коротко остриженную под платочком, в паломнический центр и купила три путёвки на Соловки.

**Ирина
СОЛЯНАЯ**
г. Калач
Воронежской
области

Я не слушал, о чём шушукались женщины и что им в горячке кричал мой отец. Мама собирала чемодан, а я листал большой дедов альбом «Русский Север» и мечтал увидеть толстых беломорских чаек, искупаться в Филипповых садках, съесть целое ведро морошки и увидеть карликовые берёзы, растущие на Заяцком острове. Я не верил в плохое, тем более — в существование смерти. Могла «уснуть» глупая рыбка, которая выпрыгнула из аквариума, завянуть на клумбе давно не политый цветок, но люди в моем детстве не умели умирать.

Мне было странно видеть мать и Тоню без косметики и украшений, в дурацких платках на головах, длинных юбках с карманами для молитвенников. Даже не знаю, откуда эта одежда появилась в нашем доме, но потом, в паломническом автобусе, я увидел, что все женщины так нелепо одеты, а бородатые мужчины носят камуфляжные куртки и спортивные брюки.

До Соловков мы ехали три дня и три ночи,

останавливаясь на ночлег в монастырях, где нас кормили пшённой кашей, варёными яйцами и пирожками с клюквой. Телефон у меня отобрали, ноутбука не было, поэтому всё свободное время я глазел в окно и пел дурацкие песни из мультфильмов, мешая паломникам читать акафисты или слушать песни православных бардов. Ко мне все относились снисходительно. Я выменивал овсяную кашу в пакетиках на запрещённый дома «Доширак», бегал в проходе между креслами, пока окрик водителя не водружал меня на место, пил чай до стыдного бурчания в животе и играл с отцом Илией на переднем сиденье в шашки.

Соловки нас встретили частым дождиком, огромными валунами у берега и развалинами какого-то кирпичного каземата. Безгласные монахи причалили монастырский катер, который трепала бортовая и килевая качка. Все мы с охами и ахами вышли на берег, осматриваясь и смущённо улыбаясь.

Я не ожидал попасть в прошлый век. По всему острову были натянуты канаты, которые помогали передвигаться людям в ветреную погоду. А колокольня Соловецкого монастыря представляла собой мощное наземное сооружение с несколькими колоколами разного размера. Нетрудно было догадаться о причинах такого строительства. Вечно смешливый, я представил, как срывается громадный колокол с верхушки воображаемой белокаменной колокольни и летит в море, болтая чугунным языком и возвещая о конце света.

Нас поселили в доме трудников, так как единственная гостиница была занята миссией по доставке мощей воронежского святого. Комендант сурово посмотрела на меня и потребовала отселения в монастырский корпус. Неожиданно вступилась Тоня, она положила руку мне на плечо и сказала, что Денис, то есть я, ещё не мужчина и своим присутствием никого не смутит. Её, как ни странно, поддержали седые женщины-паломницы, которым я порядком надоел своей беготнёй, тысячей вопросов, просьбами остановиться в лесу под сенью борщевиков после каждой выпитой чашки чая. А вот мама сурово посмотрела на меня, потому что ей давно хотелось меня отшлёпать. Но комендантша смягчилась, и я остался в длинной комнате на шестнадцать кроватей с тощими матрасами и ватными одеялами. Место моё было у огромного, вы-

ложенного кафелем бока русской печки, что меня вполне устроило.

Я не замечал трудностей быта, принимая это место таким, каким оно было. Радовало буквально всё: я никогда не видел чугунных котлов, в которых запросто можно было поместить меня, но вместо этого туда кидали ведро картошки, три пучка громадной моркови, крошили по нескольку кочанов капусты и варили постный борщ, вкуснее которого я до этого не едал.

Тёплого душа не было, и мысли мы по очереди в тазиках на кухне за занавеской. Я не представлял, как можно купаться в ледяной воде Белого моря, но в первый же день сбежал в импровизированную купальню из штакетника, обтянутого полиэтиленом, стоявшую прямо у помоста на берегу. Мама сразу заметила мои потемневшие мокрые волосы и наконец-то отвесила мне подзатыльник.

На следующий день погода наладилась, и всю неделю было тепло и комаристо. Оказывается, в монастырских стенах и летом могут расти весенние фиалки, но я увидел их — размером с детскую ладошку! — прямо над головой на отвесной стене.

Все росло и зрело одновременно, стараясь ухватить толику короткого соловецкого тепла: яблоки, фиалки, рябина, ягоды шихи, морошка. Я ел шиху и не вылезал из туалета, доказывая всем, что шиха не мох. Из уроков ботаники образованным людям известно, что мох не может плодоносить.

Я бегал по острову без присмотра в случайной компании беспризорника Славки, удивляясь, что вокруг светло как днём. С нами были крупные дворняги, привыкшие к простору.

Я видел суровое восковое лицо Тони и слёзы мамы, которые она украдкой вытирала в церкви, но и представить себе не мог, что они считали это лето последним для Тони. В это лето я узнал, что она маме совсем не сестра, а просто давняя подруга, одноклассница. Я и подумать не мог, что тётя Тоня мне не родня, ведь она почти всегда была со мной. Весёлая, всепрощающая, щедрая и терпеливая Тоня, у которой не было своей семьи, постоянно пропадала у нас.

Узнав неприятную правду, я даже неожиданно заплакал от обиды, но быстро утешился, получив от мамы ответственное задание: молиться за тётю Тоню. Старушка паломница, которую все

звали Верушкой, рассказала, что детское искреннее слово дойдёт до Бога быстрее, чем молитва взрослого. Верушка и научила меня читать «Отче наш». В конце молитвы я всегда прибавлял шёпотом: «Дай, Боженька, нашей Тонюшке здоровья, счастья и мужа хорошего», — потому что считал, что молитва ничего не сказала именно о Тоне, а мной только произнесена странная совокупность старинных слов.

Перипетии с ковчегом мощей прошли как-то мимо меня. Даже по Анзеру мы пошли пешим ходом малой кучкой, которая последовала уже после основной группы паломников и процедуры передачи останков святого великомученика.

Анзер встретил нас полутундрой, следами лосей на деревянных помостах, проложенных через остров от пристани к пристани, вязким болотом по бокам помостов. В него засосало ботинок одного ретивого паломника, и тот хлюпал все двадцать пять километров, нещадно повредив ногу. Я хоть и не терял ботинка, но заныл уже после первых пяти километров. Сообразительная Тоня пообещала мне целую тысячу рублей за молчание, и я терпел, снискав к концу похода славу взрослого мужчины. Богатырских размеров комары и тучи мошкары сильно досаждали нам в пути. У многих паломников на головах были странные шляпы пасечников с сетками, но я жалел, что у меня нет длинного хвоста, которым можно весело помахать, отгоняя назойливых насекомых.

Я приставал к маме и Тоне с вопросами о том, почему в процессе эволюции у людей отвалился именно хвост, ведь для жителей северных краёв его нельзя признать рудиментом. Ещё я спрашивал, кого кусают комары и мошки, когда на Анзере нет паломников, ведь тут живёт всего четыре монаха, и потребность в комариной пище они не могут удовлетворить. Тоня звонко смеялась, и её лицо розовело. А мама в такие минуты смотрела на неё, и из уголков глаз её вытекали слезинки.

Как они были не похожи: полная краснощёкая мама в очках, нелепом бежевом берете, с длинной растрёпанной от ходьбы косой и худая, почти тощая Тоня с бескровными щеками и губами, коротко стриженная под мальчика. Я до сих пор не знаю, что их так сдружило. Мало ли на свете одноклассниц? На мой прямой вопрос мама однажды отшутилась: «Друзей не выбирают».

Только через много лет я понял, что это так. Никто не может объяснить, почему именно этот человек входит в твою жизнь и остается в ней, а если и попытаться разумно объяснить, то слова будут какими-то ненастоящими.

Наш путь шёл к крестообразной берёзе, которая растёт на Голгофе, напоминая всем нам, что руки можно раскинуть не только для объятий, но и для распятия. На берегу очередного чистейшего озера мы оставили коробки с крупой и консервами для тех четверых, что живут в разрушенном скиту и никогда не показываются на глаза. Отдыхая от трудной дороги, мы лежали на траве, и я находил ниточки с крупной недозрелой брусникой, украдкой её жевал, чтобы отбежать потом весь остаток пути в болотистые кущи.

Я взял на память правильный круглый камешек с этого острова, чтобы потерять его при переезде через три года на новую квартиру и долго страдать, а потом найти случайно в кармане старой куртки. Я купил бумажную иконку у невидимого продавца в Голгофо-Распятском скиту, положив десять рублей в простую картонную коробку, чтобы эту иконку через три года спрятать в изголовье детской кровати Тониного первенца.

Во мне шло накопление каких-то недетских смыслов, ощущений и запахов. И на том острове я дал себе зарок не смеяться над дурацкими шутками, не играть в тупые компьютерные игры, заниматься спортом, молиться по утрам и перед сном и осилить наконец занудные «Повести Белкина». Зарок я, конечно, вскоре позабыл, за исключением обещания прочесть книжку.

Не стал я примерным христианином, хотя усердно вымаливал тёте Тоне здоровье, семью и благополучное будущее. Я боялся за неё и украдкой рассматривал, ища в Тоне приметы приближающейся смерти. Я понимал, что смерть ходила рядом с нами, но с детской непосредственностью отодвигал подальше мысли об этом.

Присутствие смерти мы видели и на месте обретения мощей святого великомученика Петра Зверева, и проходя мимо разрушенных казематов, где жили политзаключённые СЛОНа, и на детском кладбище возле Секирной горы, и в подвалах монастыря, где на плитах были начертаны неясные имена узников времен Петра Первого. Жизнь всегда была сильнее и мощнее, заставляя людей трижды в день спешить в храм,

бесплатно трудиться на покосах и восстановлении монастырского хозяйства, на ловле рыбы и строительстве. Калеки, немощные и утратившие веру приезжали в эти края со всех концов страны, прибывая на скромных катерах и пароходах, в группах и поодиночке. Не учтённые никем семьи селились в развалившихся хижинах и коротали свои дни. Все они жили, радуясь короткому лету, белым ночам и уловам беломорской сельди, которую в изобилии готовили в монастырской кухне.

У меня не хватило ума подслушивать разговоры мамы с Тоней, потому что беспечное детство брало своё. Отстояв службу, я бежал к Варваринной часовне, где ждал меня беспризорник Славка, и мы носились по острову вдоль и поперёк.

Приблудный пацан Славка был старше меня всего на год, он подкармливался в нашем доме трудников, зная время раздачи обеда и ужина. Просто приходил и садился за стол, и даже комендантша его не гнала, просто зыркала своими праведными очами и пыттела. Он торопливо и жадно ел суп, подбирая коркой остатки со дна тарелки, жевал резиновое соевое мясо или рыбу — толстую и короткотелую, остро пахнущую как в засолке, так и на сковороде. Потом Славка пил кисель, глядя круглыми просящими глазами. Такой невинный взгляд не мешал ему тырить мелочь и вообще всё, что плохо лежит. Он копил на обратную дорогу.

Славка уже три года кряду в мае сбежал из подмосковного интерната и правдами-неправдами добирался до Соловков, где останавливался при монастыре. Никто не гнал его, никто не сообщал о приблудившемся мальчонке. Славка усердно работал на разборах завалов и даже месил глину с соломой, чтобы подмазывать стены рушащихся хозяйственных построек, ходил на сборы ягод и грибов. С утра и до ночи он бегал по острову в толстом свитере ручной вязки, подобранном не по росту. Подаяния не кланчил, но и не отказывался от куска хлеба, яблока или пирожка, которые ему совали сердобольные паломники. Участковый на острова приезжал изредка, в том особой нужды и не было. Всё это удивляло меня и мою мать с Тоней, но Славка уклонялся от ответов на вопросы, и потому от него все отстали, хотя и смотрели косовато. Мама сначала строго-настрога запретила мне с ним бегать по острову, но потом смирилась.

Славка относился ко мне немного снисходительно, хотя разница в возрасте была невелика. Он пережил, судя по всему, поболее иного взрослого и не был особенным богомольцем, привычно воровал и хитрил. Но не пропускал службу, выполнял все мелкие и крупные поручения взрослых и мечтал приехать в монастырь послушником. Было странно видеть рядом с собой человека, который, казалось, уже избрал свой путь, и потому встреча именно с ним стала поворотным моментом в моей жизни, а не беседы с отцом Илией или другими монахами, у которых по большому счету ко мне не было никакого интереса.

Я рассказывал Славке про свою школу, про кружок игры на народных инструментах, про компьютерные игры. Он только смеялся и говорил: «Пустое!» — хотя и слушал. Мы бегали бесконтрольно по центральному острову, и за три дня я узнал о местности больше, чем от православных гидов и экскурсоводов-студентов.

Славка безошибочно видел людей словно рентгеновским зрением. Про Наталью Митрофановну, которая визжала во время службы в храме Святого Савватия, он бросил презрительно: «Придуривается!» Про Тоню уважительно сказал: «Правильная». Отец Илия не привлек его внимания, Славка ограничился эпитетом: «Обычный». Из мамы моей, по его словам, можно было верёвки вить, а вот молчаливый Сергей из нашей паломнической группы ему сразу не понравился. Славка ходил за ним, словно собачонка, пристально вглядываясь ему в лицо, а когда надоедливый пацан становился невыносим, Сергей кричал на него и махал руками.

Но маши не маши, а именно Славка вытащил Сергея из петли. Я сидел у часовенки напротив старого аэродрома, когда увидел Славку, опрометью бежавшего ко мне со стороны редколесья. Он кричал, а длинный рукав вязаного серого свитера болтался над головой на ветру. Почуввав неладное, я побежал следом к берегу Святого Озера. Не будучи таким стройным и поджарым, как Славка, я быстро запыхался и немного отстал. По дороге я уже понял, что Славка ведёт далеко, к Филипповой пустыни, куда идти было страшновато. Хотя на островах и не было волков и крупная живность мне не попадалась, а всё же я боялся неизвестно чего и припустил за другом изо всех сил. И мы успели.

Сергей уже болтался на берёзе прямо у поклонного креста. Его неестественно выгнутое тело до земли не доставало, а ноги дёргались в сумасшедшей пляске. Он хватался за узел над головой, словно пытался его ослабить. Признаюсь, ничего страшнее я в жизни не видел, и вот тогда впервые понял, что жизнь и смерть ходят рядом, оступиться очень легко. Славка по-обезьяньи вскарабкался на берёзу, которая и так трещала от натуги, и попытался перерезать ножиком верёвку. Та была толстая и крепкая, поддалась не сразу. Я схватил Сергея за ноги, думая приподнять повыше его, чтобы ослабить давление на узел, но только усугубил дело: висельник уже хрипел и как-то страшно визжал. У него хватило сил отпихнуть меня ногами, и я с воплями повалился на траву.

Соловки — это место, где кричи не кричи, — всё уносится в море или в лес. Кругом только ветер воет, а криков никаких не слышно. Никто нам на помощь не поспешил, но Славка справился и сам. Тело кулем повалилось на землю. Славка спрыгнул вниз. Лицо висельника посинело, руки его лихорадочно разрывали верёвку, с пальцев текла кровь.

«Живой!» — запыхавшись, крикнул мне Славка и стал подымать меня, толкая к дорожке. Я не сразу понял, что от меня требуется. А он хотел, чтобы я привёл подмогу.

Конечно, прибежавшие на мой зов трудники Славку рядом с Сергеем не застали. Они

кое-как утянули несостоявшегося самоубийцу в медпункт, а я стал героем дня. Мне пришлось рассказывать, как я залезал на берёзу, как перочинным ножиком срезал верёвку. Славка строго-настрого запретил мне говорить правду, иначе его пребывание на острове тут же бы и закончилось.

Вот так я стал и храбрецом, и обманщиком одновременно.

Я не знаю, что случилось потом со Славкой, Сергеем, отцом Илией, кликушей Натальей Митрофановной. Я больше никогда их не видел, но у меня, мамы и Тони всё хорошо. Возможно, именно потому, что я видел крестообразную берёзу, потому, что я смог притронуться к святым камням соловецких островов, побултыхаться в ледяной воде Белого моря, которая смывает и дела, и помыслы, потому, что я помог отчаявшемуся человеку. Возможно, и потому, что смерть показала мне свой оскал, но не смогла схватить своей зловонной пастью.

Я знаю, что, приехав снова на ту странную далёкую землю, вспомню себя девятилетнего и опять подниму на берегу плоский круглый камешек, и куплю бумажную иконку, и даже съем незрелой шишки. Я прикоснусь к не изменившимся толстым стенам Соловецкой обители, на которых до сих пор растут небесные фиалки размером с ладошку Тониного третьего ребёнка.

□

Ирина Владимировна СОЛЯНАЯ —

юрист, кандидат юридических наук.

Пишет стихи, прозу.

Публиковалась в журналах «Аврора», «Южная звезда»,

«Сибирские огни», в «Литературной газете».

Награждена международной премией «Антоновка сорок плюс» (2019).

Финалист конкурса-фестиваля русской словесности

«Во славу Бориса и Глеба» (2019).

Лауреат поэтического конкурса-фестиваля «Шиповник»,

посвященного 130-летию рождения А. Ахматовой.

В журнале «Север» публикуется впервые.

